

Анастасія Сильченко

ТЕНИ НЕ ВРУТ

Анастасия Олеговна Сильченко

Тени не врут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73474363

SelfPub; 2026

Аннотация

Тринадцатилетняя Милли Фостер ненавидит Лондон за бесконечный туман, опекунов – за равнодушие, а весь мир – за то, что он забрал её родителей. Единственное утешение – старые книги по оккультизму и зеркало, в которое она смотрит каждую ночь, надеясь увидеть хоть призрак мамы.

Но однажды надежда становится явью. В зеркале появляются бабочки. А потом – родители. Живые. Настоящие. Они зовут её к себе.

Милли не одна. Итан, такой же потерянный мальчик, тоже видит мёртвых. Вместе они решаются на отчаянный шаг – спиритический сеанс в заброшенной церкви. Но древние силы не прощают игр. Тьма, которую они призовут, умеет принимать облик самых дорогих людей. И когда монстр протянет Милли руку, притворяясь её матерью, ей придётся сделать выбор: остаться в круге с живым другом или шагнуть в объятия мёртвых.

Цена этого выбора – душа. Чья-то точно. Вот только чья?

Можно ли верить глазам, когда они показывают то, о чем плачет сердце?

Содержание

Глава 1. Бабочки в зеркале	4
Глава 2. Круг предательства	12
Глава 3. Доска дьявола	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анастасия Сильченко

Тени не врут

Глава 1. Бабочки в зеркале

Лондон. Район Кэмден. Октябрь.

Дождь барабанил по крыше старого викторианского дома так, словно хотел проломить ее и забраться внутрь. Милли Фостер сидела на подоконнике, поджав под себя ноги, и наблюдала за каплями, которые стекали по стеклу, искажая серый город за окном. Лондон в это время года был похож на старую фотографию – выцветший, влажный и равнодушный.

В комнате пахло пылью и старыми книгами. Опекуны, мистер и миссис Блэквуд, были людьми пожилыми и считали, что ребенку для счастья нужны крыша над головой и три раза в день еда. Они не лезли в душу, и это было лучшее, что они могли для нее сделать.

Милли поправила прядь русых волос, упавшую на глаза, и поежилась. В доме было сыро, батареи грели еле-еле, словно и они экономили тепло для кого-то более достойного.

На коленях у нее лежала потрепанная книга в кожаном переплете. Она купила её за два фунта в букинистической лавке на Чаринг-Кросс. Называлась она «Обряды перехода. Связь с миром ушедших». Продавец, старик с бельмом на

глазу, странно посмотрел на неё, когда пробивал чек. «Для школьного проекта, сэр», – соврала Милли тогда. «Для проекта, значит... Смотри, девочка, не накликай беду. Некоторые двери лучше не открывать». Милли лишь закатила глаза. Взрослые вечно любят говорить загадками, чтобы казаться умнее.

Сейчас, в сером свете лондонского утра, эти слова не казались такими уж глупыми. Она читала главу о зеркалах. В книге говорилось, что зеркала – это не просто стекло. Это порталы. Ловушки для душ. Глаза дома. «Никогда не смотрите в зеркало при свечах, если вы одни. Никогда не зовите умерших, глядя в свое отражение. Тот, кто выглянет оттуда, может вам ответить».

– Чушь, – вслух сказала Милли.

Она подняла голову и посмотрела в большое овальное зеркало, висевшее на стене напротив. Оно досталось ей от бабушки, тяжелое, в темной деревянной раме с завитушками. В нем отражалась её комната: кровать, заваленная одеялом, стопка книг на полу, полупустая кружка с чаем...

И вдруг Милли замерла.

В зеркале, в самом углу отражения, что-то мелькнуло.

Сначала она подумала, что это пылинка. Или блик от фар проезжающей за окном машины. Но это было слишком плавным, слишком... живым.

Маленькое крыло. Прозрачное, с перламутровым отливом.

А потом еще одно.

Бабочки.

В зеркале, прямо в воздухе её комнаты, порхали три или четыре ночных бабочки. Они двигались бесшумно, их крылья мерцали, как кусочки разбитого лунного света.

Милли медленно, стараясь не дышать, повернула голову налево, туда, где в реальной комнате должен был висеть этот самый угол.

Там было пусто.

Абсолютно пусто. Ни одной бабочки. Ни одного насекомого. Только обои в мелкий цветочек и трещина на потолке.

Сердце пропустило удар, а потом забилось где-то в горле. Милли резко обернулась к зеркалу. Бабочки были там. Они кружили в медленном, завораживающем танце. Одна из них, самая крупная, с бархатистыми крыльями цвета слоновой кости, опустилась на спинку стула, которого в реальности в том углу не стояло.

– Этого не может быть, – прошептала Милли. Голос прозвучал хрипло, чуждо.

Она зажмурилась. Сильно-сильно, до цветных пятен под веками. «Это просто усталость. Я мало сплю. Я слишком много читаю этой дурацкой мистики».

Она открыла глаза.

Зеркало было чистым. Обычным. В нем отражалась унылая лондонская реальность: серое небо за окном, её собственная бледная физиономия с темными кругами под гла-

зами, русые волосы, торчащие в разные стороны.

Милли выдохнула.— Вот так. Просто показалось.

Она сползла с подоконника, подошла к столу, чтобы поставить книгу. Пальцы дрожали. Она ненавидела себя за эту дрожь.

И в этот момент сзади, из зеркала, донесся звук.

Это был не скрип полов и не шум дождя. Это был голос. Тихий, как дуновение ветра, и такой знакомый, что у Милли подкосились ноги.

— Милли... детка...

Она не слышала этого голос тринадцать лет. Но узнала бы его из тысячи. Из миллиона. Это был голос её мамы.

Милли не хотела оборачиваться. Какая-то часть её, та, что отвечала за выживание, кричала: «Беги! Не смотри! Это ловушка!». Но сердце кричало громче.

Она обернулась.

В зеркале, позади её собственного испуганного отражения, стояли двое. Мужчина и женщина. Они были одеты в ту же одежду, что и на старой свадебной фотографии, стоящей на комод: мама в светлом платье, папа в строгом костюме. Они выглядели молодыми, живыми, настоящими. Мама улыбалась. У неё были такие же голубые глаза, как у Милли. Папа, которого она никогда не видела живым, смотрел на неё с такой любовью, что грудь сдавило стальным обручем.

— Мы скучали, родная, — прошелестел голос мамы. — Иди к нам.

Милли сделала шаг вперед. Один шаг. Её тянуло к ним невидимой нитью, сильнее гравитации, сильнее страха. Ведь это же они. Её семья.

В реальной комнате было пусто и холодно, а в зеркале был свет и тепло.

– Вы... вы настоящие? – спросила Милли, и голос её сорвался на вскрик.

– Мы там, где нам хорошо, – ответил отец. Его голос был глубже, чем она представляла, но такой родной. – Нам плохо без тебя. Нам холодно. Приди к нам.

Что-то кольнуло в виске. Больно. Остро. Милли зажмурилась во второй раз. Она сжала веки так сильно, что в глазах взорвались фейерверки. «Мёртвые не разговаривают. Мёртвые не ходят. Их нет. ИХ НЕТ».

Она затрясла головой, зажимая уши ладонями, и упала на колени прямо на холодный пол.

– Уходите! – закричала она. – Вы не они! Вы не мои родители!

Тишина. Только дождь барабанит по стеклу. Только сердце колотится, как бешеное.

Милли открыла глаза. Зеркало было пустым. Обычным. В нем на полу, сжавшись в комок, сидела она – жалкая, перепуганная девочка-подросток.

Она просидела так, наверное, минут двадцать, пока стемнело. А когда внизу хлопнула дверь (мистер Блэквуд вернулся с работы), Милли, пошатываясь, встала, подошла к зерка-

лу и занавесила его старым пледом. Плотно, чтобы не осталось ни щелочки.

В ту ночь она не спала. Она слышала, как за пледом что-то шевелится. Как кто-то царапает стекло изнутри.

А на следующее утро в школе она увидела Его.

Новый мальчик. Худой, темноволосый, с серыми глазами, в которых застыла такая же тоска, как в её собственных. Он сидел на последней парте и ни с кем не разговаривал. Их взгляды встретились, когда Милли проходила мимо. Он смотрел на неё не как на новую одноклассницу. Он смотрел на неё так, словно знал. Он приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но учительница застучала указкой по столу, требуя тишины.

Милли отвернулась, но краем глаза заметила, как он достаёт из кармана рваный листок и быстро пишет что-то ручкой. На перемене она нашла эту записку в своем учебнике истории. Там было всего два слова, написанные неровным, дрожащим почерком: «Ты тоже их видела?»

Милли оглянулась. Он стоял в конце коридора, возле автомата с газировкой, и смотрел на неё в упор. В этот самый момент за его спиной, в стекле, отражающем пустой школьный двор, мелькнула тень. Высокая, неестественно вытянутая фигура. Она наклонилась к уху Итана, словно шептала что-то. Итан даже не вздрогнул. Милли похолодела. Он не видел того, кто стоял за ним. А она – видела.

Она медленно кивнула ему. Один раз. Итан побледнел еще

сильнее, но в его глазах впервые за день вспыхнул свет. Он нашелся. Тот, кто не сошел с ума. Тот, кто верил.

В тот вечер, вместо того чтобы идти к остановке автобуса, они встретились за школой, возле старых разрисованных граффити гаражей. Туман опустился на Лондон раньше обычного, делая реальность зыбкой и ненадежной.

– Меня зовут Итан, – сказал он, пряча руки в карманы слишком легкой для такой погоды куртки. – Мои родители разбились два года назад. Я живу с теткой, она меня ненавидит. И... они приходят ко мне каждую ночь. – Родители? – спросила Милли. – Нет. Не они. То, что ими притворяется, – Итан сглотнул, кадык дернулся. – Оно стоит за дверью и зовет меня. Голосом мамы. Я не открываю, но оно знает, что я там. Оно ждет, когда я сорвусь. – В зеркалах, – тихо сказала Милли. – Я вижу их в зеркалах. Бабочек... а потом их. Итан рвано выдохнул. – Я знаю, как это остановить. Моя бабка была из старых семей. У неё остались книги. Настоящие. – Остановить? – Милли почувствовала, как внутри загорается безумная надежда. – Мы можем заставить их уйти? – Мы можем заставить их говорить, – поправил Итан, и его глаза вспыхнули безумием. – Это не просто призраки, Милли. Это сущности. Они питаются нашим горем. Но если мы проведем обряд, мы сможем пробить барьер. Я хочу увидеть их. Настоящих. Хотя бы раз. Хотя бы на секунду. – Это опасно, – прошептала Милли, вспоминая предупреждение старика из лавки. – А жизнь без них – не опасна? – Итан шагнул к ней. –

Она просто пустая. Ты же хочешь узнать правду? Милли подумала о маме. О папе. О том, как они улыбались ей из зеркала, и как сильно ей хотелось шагнуть туда, к ним.— Да, — сказала она тверже, чем ожидала. — Хочу. Что нужно делать?

Итан оглянулся по сторонам. Туман сгущался, скрывая гаражи и мусорные баки.— Нужна ночь. Нужен круг. И место, где истончается ткань миров. Я знаю одно такое. Старая церковь на перекрестке, её давно закрыли. Там говорят, раньше ведьм судили.— Когда? — спросила Милли.— В субботу. В полночь. — Итан протянул ей дрожащую ладонь. — Ты придешь? Милли посмотрела на его руку, потом ему в глаза.— Приду. Она пожала его холодные пальцы, скрепляя договор, о котором пожалеет всего через несколько часов.

Где-то далеко, в тумане, завывала сирена. Или это был не вой сирены? Может быть, это смеялся тот, кто ждал их в разрушенной церкви, радуясь тому, что добыча сама идет в ловушку.

Милли не знала этого тогда. Она просто шла домой, впервые за долгое время чувствуя, что она не одна. И занавешенное пледом зеркало в её комнате молчало. Оно ждало субботы.

Глава 2. Круг предательства

Суббота. Лондон. Район Уайтченел.

Суббота наступила слишком быстро, как приговор, который не обжалуют.

Всю пятницу Милли проходила как в тумане. В школе она не слышала учителей, дома не чувствовала вкуса еды. Она смотрела на занавешенное пледом зеркало и думала только об одном: «Завтра я увижу их. Настоящих».

Но что-то было не так. Что-то внутри нее изменилось.

В пятницу вечером, когда Милли чистила зубы перед сном, она поймала свое отражение в маленьком зеркале в ванной. На секунду ей показалось, что отражение улыбнулось раньше, чем она сама. Милли замерла, вглядываясь в свои глаза. Глаза смотрели в ответ. Обычные. Голубые. Усталые.

«Показалось», – подумала она и выплюнула пасту в раковину.

Но когда она отвернулась, ей послышался шепот. Тонкий, высокий, как комариный писк:– Милли... мы уже близко...

Она резко обернулась. В ванной никого не было. Только капли воды на зеркале и ее собственное бледное лицо.

Милли решила, что это нервы.

Она ошиблась.

Вечер субботы.

Милли сидела на кровати и смотрела на часы. Стрелки ползли черепашьям темпом, издеваясь над ней. Она уже была одета: старый шерстяной свитер (тот самый, который, как ей казалось, пах мамой), джинсы, тяжелые ботинки. В рюкзаке лежал фонарик и фотография родителей в маленькой рамке.

В одиннадцать часов внизу погас свет – миссис Блэквуд отправилась спать ровно в одиннадцать. Милли подождала еще полчаса, считая удары сердца. Когда старые напольные часы в гостиной пробили половину двенадцатого, она бесшумно открыла окно.

Второй этаж. Внизу – козырек кухни, старая водосточная труба и куст рододендрона. Она лазила тут сотню раз.

Милли выскользнула в ночь.

Холодный воздух ударил в лицо, обжигая легкие. Лондон встретил ее липким туманом, который стелился по земле, как живое существо. Фонари горели тускло, едва пробивая белую пелену. Казалось, город вымер. Тишина стояла такая плотная, что Милли слышала стук собственного сердца.

Она пошла пешком через переулки. Автобусы еще ходили, но ей казалось, что в автобусе она будет слишком заметна. Слишком... видима для тех, кто, возможно, уже следит за ней.

Улица Кирпичных печей находилась на границе Уайтчепела – района старого, мрачного, помнящего еще Джека Потрошителя. Чем дальше она углублялась в узкие переулки,

тем сильнее сжималось сердце. Стены домов были покрыты граффити, пахло мочой и прелыми листьями. Где-то залаяла собака. Ей ответила другая. А потом наступила тишина – звенящая, ватная.

Милли остановилась перевести дух и тут заметила нечто странное.

Ее дыхание. Оно вырывалось изо рта облачками пара – ночь была холодной, это нормально. Но облачка не рассеивались. Они висели в воздухе, формируясь в какие-то очертания.

Милли всмотрелась в одно из них.

Облачко пара медленно превратилось в подобие лица. Маленького лица. Ребенка. Оно смотрело на нее пустыми глазами, беззвучно открывало рот.

Милли отшатнулась и побежала.

Она бежала, пока не увидела впереди темный силуэт церкви Святого Патрика.

Церковь возвышалась над туманом, как огромный зверь, припавший к земле. Старая готическая постройка с облупившейся штукатуркой и заколоченными окнами. Шпиль уходил в темноту, и казалось, что у него нет конца – он теряется где-то в белесой мути неба.

Милли подошла к кованым воротам. Они были заперты на огромный ржавый замок, но калитка слева подалась от легкого толчка. Кто-то позаботился о том, чтобы здесь можно было пройти.

Она ступила на территорию. Под ногами захрустел гравий. Звук показался оглушительным в этой тишине.

И тут она увидела свет.

Маленькая сторожка у входа, вся увитая плющом, выглядела обитаемой. В окошке горел тусклый желтый свет – керосиновая лампа. А на крыльце, закутанная в черное, стояла монахиня.

Милли замерла, вжавшись в стену.

Монахиня была старой. Очень старой. Лицо – как пергамент, все в глубоких морщинах, глаза запали так глубоко, что казались черными дырами. На ней был старомодный черный плат, закрывающий волосы, и длинная юбка до пят. В руках она сжимала деревянные четки, перебирая их скрюченными, узловатыми пальцами. От нее пахло ладаном, старостью и еще чем-то горьким – может быть, полынью.

Она смотрела прямо на Милли. Сквозь туман. Сквозь тьму. Сквозь стены.

– Ты за этим пришла, девочка? – Голос у монахини оказался неожиданно звонким, как у молодой. Он разрезал туман, как нож. – Отвечай.

Милли не могла пошевелиться. Ноги приросли к земле. Ей захотелось провалиться сквозь землю, стать невидимой, исчезнуть.

– Я... я просто гуляю, – выдавила она. Голос прозвучал жалко, тонко, как у нашкотившего котенка.

Монахиня усмехнулась. В ее усмешке не было тепла. Во-

обще ничего человеческого не было в этой усмешке.

– Гуляешь. В полночь. На погосте. – Она кивнула куда-то в сторону. Милли только сейчас заметила за церковью покосившиеся надгробия старого кладбища. Кресты торчали из тумана, как сломанные пальцы. – Я тут сорок лет живу, девочка. Каждую душу чую за версту. И твою чую.

Она спустилась с крыльца и подошла ближе. Милли вжалась спиной в стену, готовая бежать куда глаза глядят. Монахиня остановилась в двух шагах от нее и принялась. Как собака.

– Господи Иисусе, – выдохнула она и перекрестилась. Широким, размашистым жестом. – Что же в тебе сидит, девочка? Что за тварь в тебя вцепилась?

Милли похолодела.

– Что? О чем вы?

– Не притворяйся, – голос монахини стал жестким, как лезвие. – Я вижу. За тобой тянется тьма. Не сбоку, не сзади. ИЗНУТРИ. Что-то уже внутри тебя, дитя. Оно сидит глубоко, спит пока. Но проснется. Скоро проснется. И тогда...

Она не договорила. Вместо этого сделала шаг назад, не сводя с Милли глаз.

– Уходи, – сказала она. – Уходи сейчас же. Я не приму тебя в этой церкви. Здесь Божий дом. А ты... ты уже не полностью здесь. Ты уже наполовину там.

Милли задрожала. Холод пробрал до костей. Слова монахини били сильнее любой пощечины.

– Я не понимаю... – прошептала она. – Я просто хочу увидеть родителей...

– Родителей? – Монахиня горько усмехнулась. – Дитя, те, кого ты хочешь увидеть, давно в раю или в аду. А те, кто откликнется на твой зов... они не будут похожи на твоих родителей. Они будут похожи на ТВОЙ СТРАХ. На твою тоску. Они наденут лица твоих любимых, как маску, чтобы ты сама шагнула им в пасть.

Она перекрестила Милли второй раз. Быстро, нервно.

– Изыди, – прошептала она. – Именем Господа, изыди из этого ребенка.

Ничего не произошло. Туман клубился. Где-то далеко завыла сирена.

Но монахиня побледнела еще сильнее.

– Не уходит, – прошептала она с ужасом. – Не реагирует. Господи, что же это такое?

Она сунула руку в карман своей рясы и вытащила маленький пузырек. Стекланный, с металлической крышечкой. Открутила дрожащими пальцами.

– Святая вода, – пояснила она, глядя Милли в глаза. – Освященная в самом Иерусалиме. Если в тебе что-то есть – оно отреагирует. Не бойся. Это для твоего же блага.

Милли не успела ничего сказать. Монахиня окунула два пальца в пузырек и брызнула водой прямо в лицо Милли.

Капли попали на щеки. На лоб. На губы.

И мир взорвался.

Сначала Милли почувствовала жжение. Не сильное, нет – скорее покалывание, как будто кожу укололи тысячей крошечных иголочек. Но жжение быстро переросло в ОГОНЬ. Ей показалось, что лицо облили кислотой. Что кожа плавится, слезает кусками, обнажая мясо и кости.

Милли закричала.

Но это был не ее крик.

Из ее горла вырвался звук, которого она никогда раньше не слышала. Низкий, вибрирующий, он шел не из легких – он поднимался откуда-то из живота, из самой глубины, из того места, где прячутся самые страшные кошмары.

И в этом звуке не было ничего человеческого.

Монахиня отшатнулась, выронив пузырек. Святая вода разлилась по земле, зашипела на гравии.

Милли стояла, выгнувшись дугой, запрокинув голову, и смеялась.

Она смеялась не своим смехом. Это был смех старухи и смех младенца одновременно. Смех, в котором слышались визг тормозов и скрип несмазанных петель. Смех, от которого стыла кровь в жилах и волосы вставали дыбом.

Глаза Милли... они изменились.

Зрачки расширились так, что почти съели голубую радужку. Глаза стали черными. Абсолютно черными, как бездна. Из них текла какая-то жидкость – не слезы, что-то густое, маслянистое.

– ЧТО, СТАРАЯ, НЕ ЖДАЛА? – прорычал голос из гор-

ла Милли. В нем звучали сразу десятки тонов. – ДУМАЛА, СВЯТАЯ ВОДА ПОМОЖЕТ? ГЛУПАЯ. МЫ ТЕПЕРЬ ЧАСТЬ ЕЕ. МЫ ВНУТРИ. МЫ ДОМА.

И тут из-за угла церкви выбежал Итан.

Он услышал крики. Увидел сцену: монахиня, прижавшая спиной к стене, бормочущая молитвы, и Милли – нет, не Милли – ТО, что стояло на ее месте, искаженное, черноглазое, жуткое.

Итан замер. Его лицо побелело как мел.

– Милли... – прошептал он.

Существо в теле Милли медленно повернуло голову в его сторону. Шея хрустнула, выгнувшись под неестественным углом. Черные глаза уставились на Итана.

– А-а-а, второй, – прошелестел голос. – МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ ДУМАЕТ, ЧТО ЗНАЕТ ПРАВДУ. БЕДНЫЙ МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК. ОНА ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ. ОНА ВСЕГДА НАМ ПРИНАДЛЕЖАЛА. С ТОГО САМОГО ДНЯ, КАК ЕЕ ОТЕЦ УМЕР, МЫ ЖДАЛИ. ДВЕРЬ БЫЛА ПРИОТКРЫТА. ТЕПЕРЬ ОНА РАСПАХНУТА.

Итан попятился. Его трясло. Он смотрел на Милли и видел чудовище.

– Милли, если ты слышишь меня, борись! – крикнул он, и голос его сорвался. – Это не ты! Это оно!

Милли моргнула.

На секунду чернота в глазах отступила. Голубая радужка показалась, как солнце из-за туч. Милли увидела Итана, уви-

дела монахиню, увидела свое отражение в стеклах сторожки – искаженное, чужое.

– Помогите... – прошептала она своим голосом, тонким, детским, испуганным. – Что со мной? ПОМОГИТЕ!

– БЕГИ, МАЛЬЧИК! – закричала монахиня Итану. – БЕГИ ОТСЮДА! В НЕЙ СИДИТ ТВАРЬ ПОСТАРШЕ САМОГО АДА! ВАШ РИТУАЛ РАЗБУДИТ ЕЕ ОКОНЧАТЕЛЬНО!

Милли снова выгнулась. Смех вырвался из горла – дикий, торжествующий.

– СЛИШКОМ ПОЗДНО, СТАРАЯ! ОНА ПРИДЕТ В ПОЛНОЧЬ! МЫ ВСЕ ПРИДЕМ! И ВЫ НАС ВСТРЕТИТЕ!

Итан, повинувшись инстинкту самосохранения, отпрянул от Милли. Он отшатнулся так, будто она была прокаженной. Будто она была смертельно опасным зверем. В его глазах читался такой ужас, такое отвращение, такую животную, первобытную жуть, что это было страшнее любых слов.

Милли видела это. Видела, как ее единственный друг, ее союзник, ее надежда, отшатывается от нее, как от чумы.

– ДА, МАЛЬЧИК, БЕГИ, – прошипело существо ее голосом. – БЕГИ, ПОКА МОЖЕШЬ. НО ОНА ВСЕ РАВНО ПРИДЕТ К ТЕБЕ. И ТЫ ВПУСТИШЬ ЕЕ. ПОТОМУ ЧТО ТЫ ТОЖЕ ОДИНОК. ПОТОМУ ЧТО ТЫ ТОЖЕ ХОЧЕШЬ ВЕРНУТЬ ИХ. А МЫ... МЫ ВСЕГДА ДАЕМ ТО, ЧЕГО ВЫ ХОТИТЕ.

Итан смотрел на Милли. На ее черные глаза. На жуткую

улыбку, растянувшую рот не по-человечески широко. На слезы, которые текли по щекам – настоящие слезы Милли, смешанные с той черной жижей.

И он принял решение.

– Я все равно пойду, – сказал он твердо. – В полночь. В церковь. Если ты придешь – хорошо. Если нет – я пойду один. Но я не оставлю тебя, Милли. Слышишь? Даже если в тебе сидит дьявол, я не оставлю тебя.

Он развернулся и исчез в тумане, растворился в белой мгле, как призрак.

Милли упала на колени. Существо внутри нее затихло, спряталось, удовлетворенное увиденным. Чернота стекла с глаз. К ней вернулось зрение, вернулся слух, вернулось сознание.

Она подняла голову и посмотрела на монахиню.

– Что со мной? – прошептала Милли. – Что во мне?

Монахиня смотрела на нее с жалостью. С такой глубокой, безнадежной жалостью, что Милли захотелось умереть.

– Впустила ты нечто, дитя, – тихо сказала монахиня. – Не знаю когда. Может, когда в зеркало смотрела. Может, когда слишком сильно захотела вернуть мертвых. Оно въелось в тебя. Спряталось. Ждало часа. А теперь... теперь ты идешь прямо в пасть к его сородичам. И если вы проведете этот ритуал, оно вырвется наружу. Навсегда.

Она перекрестила Милли в третий раз.

– Не ходи туда, – взмолилась она. – Умоляю тебя. Остань-

ся здесь. Я буду молиться за тебя. Я буду отчитывать тебя всю ночь. Только не ходи в эту церковь.

Милли встала. Ноги дрожали, но она стояла. Она посмотрела на сторожку, на крест над дверью, на иконку в углу окошка. Посмотрела в сторону церкви, где в тумане исчез Итан.

– Если я не пойду, он пойдет один, – сказала она тихо. – А он мой друг. Единственный друг.

– Он пойдет в ад, дитя. И ты пойдешь с ним.

– Значит, будем гореть вместе.

Милли развернулась и пошла к церкви. Каждый шаг давался с трудом, как будто ноги налились свинцом. Как будто сама земля не пускала ее.

Монахиня смотрела ей вслед, шепча молитвы. А когда Милли скрылась за углом, старая женщина рухнула на колени прямо на сырую землю и зарыдала.

– Господи, прости нас, грешных, – бормотала она. – Прости и сохрани. Они же дети. Всего лишь дети...

Из церкви донесся звук. Низкий, гулкий удар. Как будто кто-то огромный шагнул внутри пустого здания.

Монахиня перекрестилась в четвертый раз и закрыла лицо руками.

Итан ждал Милли у маленькой железной двери, ведущей в подвал церкви. Увидев ее, он вздрогнул, но не отшатнулся. Просто смотрел внимательно, изучающе.

– Ты как? – спросил он хрипло.

– Не знаю, – честно ответила Милли. – Оно все еще во мне. Я чувствую. Оно шевелится. Иногда мне кажется, что оно думает за меня.

Итан кивнул. Он достал из кармана маленькое серебряное распятие и протянул ей.

– Держи. Бабкино. Может, защитит.

Милли взяла. Металл обжег ладонь холодом. На секунду ей показалось, что внутри нее что-то зашипело, забилося, как зверь в клетке, но быстро затихло.

– Пошли, – сказал Итан. – Время почти пришло.

Они шагнули в темноту.

Дверь за ними захлопнулась сама собой, с тяжелым, могильным стуком.

В сторожке монахиня все еще стояла на коленях и молилась. Она молилась так громко и так истово, что голос ее разносился над пустырем, смешиваясь с туманом.

Но в церкви ее никто не слышал.

Там уже начиналось то, что нельзя остановить.

Глава 3. Доска дьявола

Церковь Святого Патрика. Подвал. 23:55.

Внутри было темно, как в закрытом гробу.

Милли сделала шаг вслед за Итаном и чуть не задохнулась от запаха. Здесь пахло не просто сыростью и плесенью. Здесь пахло смертью. Сладковато-приторный запах тлена смешивался с чем-то металлическим, напоминающим ржавчину и кровь. Воздух был таким густым, что его приходилось жевать, прежде чем вдохнуть.

Итан включил фонарик. Луч вырвал из темноты кусок подвала: кирпичные стены, покрытые зеленоватой слизью, старые деревянные скамьи, сваленные в углу, поломанные подсвечники с остатками черных свечей. На стенах проступала плесень причудливыми узорами, похожими на лица. Кричащие лица.

Пол под ногами был земляным, но кое-где виднелись каменные плиты – старые надгробия, которые когда-то использовали для фундамента. Милли взгляделась в одну из плит и прочитала выбитые буквы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.